

цо; потом он спустился с лестницы во двор, а после этого снова поднялся. Но, встретив там кого-то и не желая, чтобы тот его узнал, он спустился снова и вернулся с другой стороны. Принцесса и герцогиня все это видели, а дворянин их не замечал. Когда же он дошел до лестницы, по которой мог спокойно подняться в комнату своей возлюбленной, обе они подбежали к окну и тут же увидели его даму, которая стала во весь голос кричать, что забрался вор, и призывала на помощь. Тогда обе дамы, находившиеся внизу, принялись ей вторить – и так громко, что голоса их разнеслись по всему дворцу.

Можете себе представить, в какой досаде дворянин этот убежал к себе, не успев укрыться от глаз дам, которые уже знали его тайну и часто потом вспоминали о его бегстве, равно как и та, которая устроила эту засаду и которая потом сама сказала ему, что теперь-то она отомщена. У дворянина, однако, были на все свои ответы и отговорки; он очень ловко старался убедить их, что догадался об их затее и дал своей даме обещание прийти наверх только для того, чтобы немного поразвлечься. Он сказал, что никогда бы не пошел туда из любви к ней, ибо от этой любви давно уже ничего не осталось. Однако дамы никак не хотели с ним согласиться, да и сейчас ведь никто в точности не может сказать, как все было. Но если он в самом деле поверил обманщице, что вполне могло быть, – то, коль скоро в его время мало кто мог с ним сравниться умом и отвагой и уж во всяком случае никто не мог его превзойти (что он потом и доказал, ибо умер доблестной смертью), вам, пожалуй, придется признать, что мужчины которые любят, обычно верят больше чем следует своим дамам и те часто водят их за нос.

– Я считаю, что дама эта поступила правильно, – сказала Эннасюита, – ибо, если женщина любит мужчину а он бросает ее ради другой, он заслуживает самой жестокой мести.

– Разумеется, – сказала Парламента, – но только если он сам ее любит. А то ведь есть женщины, которые влюбляются в мужчин, не будучи уверенны в их взаимности, А потом, узнав, что те полюбили других, они принимаются обвинять их в непостоянстве. Вот почему женщины умные никогда не бывают обмануты заверениями мужчин; они не обращают на них внимания; они не верят даже словам, в которых есть правда, ибо и у правды и у лжи язык-то один.

– Если бы все дамы думали так, как вы, – сказал Си-манто, – мужчины должны были бы спрятать подальше все свои мольбы; но только, что бы вы и вам подобные ни говорили, мы никогда не поверим, что подозрительность – такое же свойство женщин, как и красота. И как вам ни хотелось бы смутить нас своими доводами, это убеждение наше позволяет нам жить в радости.

– Я хорошо знаю, – сказала Лонгарина, – кто та дама, которая так посмеялась над этим дворянином, и должна сказать, что считаю ее способной на любую хитрость, – коль скоро она не пощадила мужа, она конечно не пощадила и своего кавалера.

– Как это не пощадила мужа? – воскликнул Дагусен. – Вы, должно быть, знаете о ней больше, чем я! Раз так, я уступаю вам свое место, чтобы вы нам рассказали об этом.

– Если вы согласны меня выслушать, я охотно расскажу вам то, что знаю, – ответила Лонгарина,

Новелла пятьдесят девятая

Та же самая дама, заметив, что муж ее недоволен тем, что у нее есть кавалеры, с которыми она проводит время (хоть и ничем не пороча при этом свою честь), стала тщательно его выслеживать и обнаружила, что он неравнодушен к одной из ее служанок; тогда она подговорила служанку согласиться на все, о чем он ее просил, и хитрилась уличить мужа в поступке столь неблагоприятном, что тому пришлось сознаться, что он заслуживает более сурового наказания, чем его супруга, которая с этого дня получила возможность жить так, как ей нравится.

Дама, о которой вы только что рассказывали, вышла замуж за одного богатого дворянина, происходившего из очень старинного и знатного рода, причем оба они не чаяли души друг в друге. Будучи женщиной светской, умевшей повеселиться, она не стала скрывать, что у нее есть кавалеры. Она даже любила потешаться над своими поклонниками и нередко развлекала мужа рассказами о них. Но мужу такая жизнь в конце концов надоела. Ему не нравилось, что жена столько времени проводит в обществе мужчин, которые не были ему ни родственниками, ни друзьями, и к